

УДК 392.5(470.6)

ББК 63.5

Г – 97

Гучетль Лариса Аскеровна, старший преподаватель кафедры агропочвоведения факультета аграрных технологий Майкопского государственного технологического университета, тел.: (8772)523064.

АДАТЫ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

(рецензирована)

Нормы адата складывались в условиях господства родоплеменных отношений. Адат регулировал жизнь общины и брано – семейные отношения. Этот свод этических норм, традиций и правил поведения – с глубокой древности был одной из специфических форм организации общественной жизни на Северном Кавказе.

Ключевые слова: адат, третейский суд, аталычество, обычное право.

Guchetl Larisa Askerovna, senior lecturer of the chair of soil science of the Faculty of Agricultural Technologies, Maikop State Technological University, tel.: (8772) 523064.

ADATS OF HIGHLANDERS OF THE NORTH CAUCASUS

Standards of adats folded under the rule of tribal relations. Adats regulate the community life and the abuse - Family relationships. This set of ethical norms, traditions and rules of conduct was one of the specific forms of organization of social life in the North Caucasus from ancient times.

Keywords: adat, the arbitral tribunal, atalychestvo, customary law.

Еще в давние времена северокавказские народы создали традиции, которые применялись для урегулирования самых разнообразных конфликтных ситуаций, связанных с причинением физического или материального ущерба. Более или менее точные свидетельства об юридических институтах одного из основных народов Северного Кавказа, адыгов, появляются с XV-XVI вв. С XVI в. известно о третействе, или посредничестве. Адыль-Гирей, один из видных адыгских просветителей первой половины XIX в., писал, что "по древнему коренному обычаю черкесов, все их дела разбираются посредниками, противные стороны выбирают посредников, обыкновенно уважаемых стариков, которые решают спорное дело по обычаям, изустно передаваемым от одного поколения другому. Такие обычаи называются адатом, а суд, по обычаям, называется судом по адату. Если решение посредников представляет вопрос новый, решение которого невозможно подвести под тот или другой обычай, то посредники предлагают свое собственное решение, которое и называется маслагатом, примененное же несколько раз в одном или двух обществах, оно тоже становится со временем адатом".

В Кабарде такой суд назывался *хъезж*, или *хейяццлэ*. Применительно к XVIII в. исследователи уже с уверенностью пишут о существовании *третейского (медиаторского)* суда. В Кабарде наиболее распространенной его разновидностью стал суд, состоявший из 5-6 человек. Как отмечал В.Х. Кажаров, существовал и расширенный вариант третейского суда, так называемый *дворянский суд*, включавший в себя по 20 человек от каждой партии, участвующей в конфликте. Кабардинский третейский суд рассматривал как межличностные, так и групповые споры (1). Тем не менее в XVIII в. он еще не получил широкого распространения среди всех слоев населения. В XVII - XVIII вв. *хейяццлэ* рассматривал лишь отдельные случаи причинения значительного материального или физического ущерба, применяя нормы адата, и в первую очередь выплату компенсации или выселение виновного и его семьи на жительство в иное селение.(2)

Для того чтобы примирить конфликтующие стороны, адыги использовали ряд общественных институтов, выполнявших в общине главным образом соционормативные функции, например, аталычество, куначество, установление молочного родства и т.д.

Институт аталычества, т.е. воспитание ребенка в чужой семье, заключался в следующем: желающий забрать чужого ребенка, как правило, мальчика, к себе на воспитание делал это либо открыто, т.е. с согласия его родителей, либо тайно, с помощью совершаемой ночью кражи. За

правильностью воспитания этого ребенка следило семь специально назначаемых для данного дела свидетелей.(3)

Традиция аталычества использовалась в адыгской общине для получения дворянского звания, установления родственных связей с княжеской фамилией и т.д. В силу этого М.О. Косвен различал собственно институт аталычества и «некоторые явления, связанные с кровной мстью, имеющие лишь внешнюю близость с аталычеством». Эти явления рассматривались М.О. Косвеном в качестве «специфических форм урегулирования вражды, возникавшей вследствие убийства». Если виновный в убийстве желал примириться с родственниками убитого им человека, то либо сам, либо кто-нибудь из его товарищей тайно похищал ребенка из семьи потерпевшего. По сообщению З.М. Налоева и Х.М. Думанова, у адыгов использовались два термина для обозначения таких воспитанников - *плур къан* и *лъыщлэжытцлэ къан* (4). Первый применялся к ребенку, которого просто брали на воспитание, а второй - по отношению к ребенку, которого воспитывали в качестве компенсации за причиненный ущерб.

О существовании юридического аспекта в функционировании института аталычества писали многие путешественники и адыгские просветители в XVII - XIX вв. (Ш-Б.С.Ногмов, Хан-Гирей, К.Ф.Сталь и др.). Так, Хан-Гирей уточнял, что к этой традиции прибегали только в тех случаях, когда другие бытовавшие у адыгов формы примирения не возымели успеха. А К.Ф.Сталь указывал на применение комбинированной формы примирения: выплаты половины размера положенной за ущерб компенсации и воспитание ребенка из семьи потерпевшего, как это было сделано во время примирения двух известных на Северо-Западном Кавказе темиргоевской и гатукаевской княжеских семей (Болотоковых и Керкеновых) (5).

В XVI - XVIII вв., в осетинской, карачаевской и адыгской общинах установившиеся между сторонами кровные отношения могли быть урегулированы посредством брака между взрослыми детьми из враждующих семей.

Существовали у народов Северного Кавказа и некоторые формы «женского» посредничества. Согласно нормам обычного права, совершивший убийство человек, мог прибегнуть к покровительству женщины, скрывшись на ее половине дома. Убийца чувствовал себя в безопасности до тех пор, пока находился в ее доме. Если кровник хотел отомстить виновному за убийство или ранение своего родственника, он должен был дожидаться, когда тот покинет дом женщины. Тем не менее, как указывал И.Ф.Бларамберг, отдаваться под защиту женщины, по адыгским народным представлениям, считалось «постыдным»(6). Кроме того, если пожилая, уважаемая в своей общине женщина, принадлежавшая к привилегированному сословию, оказывалась свидетельницей драки, она могла, сняв с головы платок, встать между дерущимися. Участники конфликта обязаны были прекратить ссору.

У адыгов, осетин, карачаевцев для примирения конфликтующих сторон использовался и институт молочного родства. Его суть заключалась в том, что если убийце удавалось открыто или тайно коснуться губами груди матери потерпевшего, он становился родственником всей семье потерпевшего и мог не бояться мести с их стороны. Если эта церемония делалась с согласия матери потерпевшего, то старший этого рода произносил следующие слова: «Да пусть никогда не повторится вражда между нами, да пусть нас вечно связывают узы родства и дружбы!». Однако род обиженного, как отмечал М.А.Меретуков, редко добровольно соглашался провести эту церемонию. Чаще обидчик совершал ее тайком.(7)

С конфликтами у адыгов были связаны рощи пенекассан, где росли священные деревья. Как писал И.Ф.Бларамберг, «если мужчины и женщины, совершившие преступление или убийство, скроются в лес пенекассан и повяжут себе на шею какую-либо тряпку из числа висящих на деревьях, то они освобождаются от наказания, как состоящие под покровительством божества».

Приняв российское подданство, большинство северокавказских народов в первое время не испытывали со стороны российской администрации значительного давления на жизнь общины. Первые российские попытки реформирования адыгского судопроизводства имели место только в конце XVIII в.

Литература:

1. Кажаров В.Х. Адыгская этика. Нальчик, 1992. С. 66.
2. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С.127.
3. Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // АБКИЕА. С. 398.
4. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 110.
5. Хан – Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1973. С. 130.
6. Бларамберг И.Ф. Указ. раб. С. 385.
7. Меретуков М.А. Усыновление у адыгов в XIX в. Майкоп, 1968.